

**ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ЖАНРА ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК В
ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА ЛИТЕРАТУРНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ**

Давлятова Гульчехра Насыровна

кандидат филологических наук, доцент

Ферганского государственного университета

Сабиров Немат Казакбаевич

старший преподаватель

кафедры русской филологии

Ферганского государственного университета

Аннотация: *Данная статья посвящена проблеме развития жанра путевых записок в пространстве текста литературного путешествия. В путевых записках о среднеазиатских ханствах отражаются представления русского общества о пространстве как потенциально познаваемой категории, причём познаваемой через информацию, которая передаётся посредством социальных связей. Следовательно, именно укрепление социальных связей становится средством познания пространства.*

Ключевые слова: *путевые записки, эволюция жанра, литература, классификация, современность.*

Взаимоотношения русского общества и общества среднеазиатских ханств становятся сферой коммуникации между двумя культурами. Эти культуры отличаются друг от друга по многим параметрам: это две разные религии, две разные государственные системы.

В пространстве текста литературного путешествия эти системы взаимодействуют на различных уровнях, что отражается на жанровых и стилистических особенностях текста. Анализ процесса формирования жанра путевых заметок показывает, что формирование отдельных жанровых форм, которые существуют в различных дискурсах: политическом, экономическом, научном, художественном. Изначально путевые заметки и записки включают в себя всю информацию о путешествии, где объективные факты сложно отделить от субъективных впечатлений, недостоверных сведений и прямого вымысла. Следовательно, даже официальные документы этого периода следует рассматривать, прежде всего, как литературные тексты, в которых создаётся образ осваиваемого пространства.

Образ пространства в литературном тексте не является полностью идентичным пространству реальному. Категория пространства значима не только для философии, но и для литературоведения, как объект изучения в качестве средства для создания полноты художественного образа.

Современные литературоведческие исследования структуры художественного пространства развиваются в двух направлениях.

Одно из этих направлений разработано М.М. Бахтиным и связано с идеей хронотопа. Хронотопом М.М. Бахтин назвал «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе». Хронотоп выявляет процесс установления законов трансформации натурального времени и пространства в условные в зависимости от особенностей того или иного жанра. Приоритетным в структуре произведения при этом считается время.

Согласно второму направлению, пространство и время являются относительно самостоятельными художественными категориями. Приоритетным в структуре произведения в этом случае считается пространство.

В художественном тексте пространство выступает как структурная составляющая художественного мира писателя. Пространство становится для этого мира категорией значимой и выступает в качестве ценностного результата опыта общения автора и героев с реальностью.

Художественное пространство может быть использовано в качестве «ключа» для интерпретации текста. Оно объединяет элементы различного анализа произведения: анализ с точки зрения жанра, с точки зрения сюжетно-композиционного строя, мотивный и лейтмотивный анализ, стилистический анализ, который выводит уже на уровень конкретных образных форм, словесного воплощения художественного мышления писателя.

Собственно литературоведческими понятиями, сформулированными для характеристики пространственных категорий, являются заимствованные из философского и естественнонаучного дискурсов термины «локус» и «топос».

Топос, по определению Прокофьевой, – «значимое для художественного текста место разворачивания смыслов, которое может коррелировать с каким-либо фрагментом реального пространства».

Топос не только характеризует пространственный образ, это понятие синонимично выражениям «категория культуры», «образ культуры». Эта синонимия подтверждает роль топоса в обозначении «языка пространственных отношений», пронизывающих художественный текст.

Термин «топос» изначально применялся в античной риторике и философии. В древнегреческой традиции, основателем которой считается Аристотель, топос понимается как «место, мыслительное образование, схема, организованная по законам логики, подходящая для рассмотрения конкретных тем». В традиции Древнего Рима, поддерживаемой Цицероном, топос – «общее место, обозначающее не столько аргумент, мыслительную схему, сколько стандартное словесное выражение, тему, оборот, служащий для украшения речи, эмоционального усиления аргументов при доказательстве».

Таким образом, в греческой традиции рассматривался так называемый ментальный топос, в римской – речевой топос.

Из философии и риторики термин был воспринят различными областями науки, в том числе и литературоведением, где приобрёл значение «регулярно повторяющихся в творчестве писателя и в системе культуры формул, мифов, мотивов и других разновидностей художественного образа, имеющих особые пространственные характеристики».

Некоторые исследователи понимают топос как «локально организованное смыслообразующее пространство и сопряжённые с ним способы существования логоса, то есть способы развёртывания конкретного смысла».

М.М. Бахтин соотносит топос с термином «хронотоп» и представляет его в виде значащего пространственного образа художественного текста. Топосы – места, исполненные смысла. Категория топоса отражает одну из граней пространственно-временного единства и выступает в качестве инструмента объективации смысла, который содержится в художественном произведении. М. Бахтин понимает топос как основной пространственный образ художественного текста, значащее пространство, за которым, благодаря свершающимся в нём событиям, «просвечивают полюсы, пределы, координаты мира».

С этим понятием термина «топос» соглашается Л.В. Никифорова, отмечая, что, «по существу, любой пространственный образ культурного текста может быть понят как топос».

А.М. Панченко считает топосы «запасом устойчивых форм культуры, которые актуальны на всем её протяжении». Он отмечает также, что этот термин не прижился в отечественной науке, то есть не получил широкого распространения.

Такие трактовки термина «топос» позволяют применять его не только к литературоведению, но также к культурологии и даже архитектуре. В литературоведении же подобное понимание термина приводит к сближению его с другой пространственной категорией – «локус», сращению этих понятий и их взаимозаменяемости.

Тем не менее, в современном литературоведении предпринимаются попытки разграничить эти понятия путём чёткого определения каждого из них.

Понятие локуса ввёл в филологию Ю.М. Лотман, чтобы обозначить твёрдую приуроченность героя произведения к функциональному полю его действия. После восприятия термина «локус» филологической наукой в его структуре выявились пространственные характеристики «место», «участок», по В.П.Океанскому – «местоимение».

Для разделения понятий локуса и топоса М.Ю. Лотман предложил отдельно рассматривать открытое и закрытое пространство. Локус используется для обозначения закрытых пространственных образов, топос – открытых. Однако «один и тот же пространственный образ может называться и топосом, и локусом, в

зависимости от осмысления его как национального символа с актуализацией в его репрезентации оценочных смыслов или реального описания».

Таким образом, по мнению Т.В. Субботиной, локус - «любое включённое в художественный текст автором намеренно или подсознательно пространство, имеющее границы, то есть находящееся между точкой и бесконечностью».

В случае, когда объект литературоведческого исследования обладает пространственными характеристиками, главное различие между топосом и локусом заключается в том, что топос – понятие более широкое, обладающее семантическими связями, выходящими за рамки исследуемого текста, а также включающее в себя, помимо пространственных, иные художественные категории.

Локус становится понятием более узким. А.А. Булгакова определяет локусы как «микротопосы» и «субтопосы», составляющие «семантическое поле интегрирующего их топоса».

Н.А. Ловчинский, изучая образы пространства, отмечает, что термины «топос» и «локус» в переводе с латинского обозначают практически одно и то же — категорию места в литературном произведении. При этом топос является не просто местом, но обязательно местом действия, развития событий. Оба эти понятия связаны между собой логическими отношениями части и целого, большого и малого, пространства внешнего и внутреннего. Локусы как значимые единицы составляют семантическое ядро топоса.

Л.А. Дмитриева рассматривает локус как «некое ограниченное пространство, где время течёт по-особому и существует определённая конфликтная ситуация... Чувственный мир предметов является... свёрнутым носителем смыслов данного локуса».

С развитием литературной традиции конкретные топосы приобретают статус устойчивых концептов, которые, в свою очередь, способны выступать в качестве лейтмотивов в конкретных произведениях. Существуют также авторы, для которых определённые элементы пространства становятся определяющими в рамках всего творчества.

В настоящем исследовании рассматриваются путевые записки, формирующие в русском общественном сознании когнитивное пространство среднеазиатских ханских государств. Именно традиция путевых записок и заметок привела к формированию топосов «Бухарское ханство», «Хивинское ханство» и «Кокандское ханство», в рамках которых стали формироваться отдельные локусы «Бухара», «Хива», «Коканд» и другие.

На примере различных путевых заметок, написанных с XVI по XIX век, можно наблюдать процесс формирования самостоятельных топосов в русскоязычном литературном пространстве. Изначально ханства представляли интерес как часть торгового пути в Персию, Индию и Китай. Таким образом, они были структурным

элементом концепта «дорога» и, соответственно, мифологемы «путь», частью испытаний, которые герой должен преодолеть по дороге к своей цели.

Топос Бухары стал формироваться после публикации записок Дженкинсона. Путешествие Ивана Хохлова в 1620 году показало, что Бухара уже становится целью экспедиций, роль промежуточного этапа пути теперь исполняет Хива. Таким образом, топос Бухары формируется в русском литературном дискурсе гораздо раньше.

В XVIII веке картина мира существенно изменилась, и в топосе Бухары возникают отдельные локусы: выход к Каспийскому морю, города, пристани, дороги.

Репрезентация Бухары как полноценного топоса представлена только в записках Ф.С. Ефремова, знакомого с жизнью ханства изнутри. Это произведение позволяет также оценить Бухару не как неизвестный, почти мифологический топос, но и как часть реального большого мира.

Записки Ефремова представляют собой полноценное литературное путешествие, несмотря на то, что автор описывает не свою поездку в Бухару, а период своего пребывания. Черты литературного путешествия в этом произведении доказывают тот факт, что автор не рассматривал Бухару, город, где он прожил долгое время, как место своего постоянного обитания. Даже сделав относительно успешную карьеру в ханстве, Ефремов продолжал ощущать себя русским человеком, следовательно, культурная идентичность имела для него гораздо большее значение, чем повседневность.

Специфика путевых записок и заметок о среднеазиатских ханствах состоит в эксклюзивных правах автора на репрезентацию топоса. Сведения о Бухаре, Хиве и Коканде не были общедоступными ни в российском, ни в европейском культурном пространстве. Следовательно, автор, видевший своими глазами реалии ханств, пользовался абсолютным доверием, выступал в качестве специалиста. В то же время невозможность проверить его слова позволяла привлекать элементы художественного вымысла, восполняющие недостаток конкретных сведений.

В официальных записках дипломатических миссий таким же образом восполнялась нехватка информации, требуемой правительством. Невозможность проверки точности и достоверности предоставляемых сведений, ограниченность и нерегулярность межкультурных контактов обеспечивали привлечение сведений, полученных косвенным путём, в качестве источника официальной информации. Таким образом, весь комплекс документов, касающихся контактов России и среднеазиатских государств до XIX века, можно отнести к жанру литературного путешествия.

Следует отметить ещё одну сторону жанровой специфики произведений о среднеазиатских ханствах, которая окончательно сформировалась к XVIII веку. Это особое понимание сути взаимоотношений восточной и западной культуры с точки зрения русских путешественников.

Эта точка зрения определялась религиозным сознанием. Следовательно, специфика восприятия путешествия подверглась существенным трансформациям со времён существования мифологического сознания.

Продукт религиозного сознания, проецируемого в область литературных путешествий – агиографический жанр хождений. За время его существования в древнерусской литературе сложилась определённая система восприятия феномена сосуществования на одной территории двух культур.

Как отмечает С.Н. Травников, в XVII веке обострились противоречия, связанные с контролем над территориями, связанными со святыми для христиан местами. В связи с этим сложился ряд письменных и устных сюжетов, касающихся «обид», чинимых православным католиками, протестантами, мусульманами, иудаистами. Сюжет противостояния православного христианина и представителей других религий становится центральным для жанров литературного путешествия.

Противостояние с мусульманской церковью было наиболее острым, поскольку противостоять мусульманской экспансии не представлялось возможным. Как реакция на эту ситуацию сложился легендарный дискурс паломнических произведений: авторы подчёркивали беззакония, творимые мусульманами, и кару, которая их постигала. Так в основу путевого дискурса было положено представление о дуалистической природе мира, где русский православный человек противопоставлялся враждебному пространству. В связи с этим усилился также мотив веры в чудо, что сопутствует христианину во всех его начинаниях.

К концу XVIII века традиционные агиографические жанровые признаки в хождениях теряют актуальность. Тема религиозной интуиции, реализуемая в мотиве видений, знамений и чудес, отмирает. Но в жанре, подвергающемся трансформации, сохраняются признаки паломнической литературы. Эти признаки выявляются в принципах и логических приёмах создания путевой литературы, сохранившихся в петровскую эпоху: писать лишь о том, что автор видел собственными глазами, стремиться к простоте изложения и не допускать вымысла.

«Путевые записки петровского времени по своей литературной форме стоят на грани между древнерусскими хождениями и современным жанром путевого очерка». Новаторский элемент в жанре, возникший в петровскую эпоху, состоял в широком охвате явлений иноземной жизни. Внимание автора захватывало всё встреченное им на пути. Ещё один новый элемент – презентация индивидуально-авторской картины мира в тексте.

Н.И. Прокофьев, анализируя традицию путевых записок и заметок петровского времени, обнаруживает их преемственность по отношению к древнерусским хождениям и отмечает, что влияние западной светской культуры обнаруживается лишь в отношении лексики. Именно тогда возникла традиция введения в текст записок русских путешественников экзотизмов и безэквивалентных лексических единиц, маркирующих иноязычное и инокультурное пространство.

Следовательно, определяющим фактом для развития жанра путевых заметок в русской литературе стала опора на древнерусские паломнические тексты, которые воплотили в себе «гармоничное соединение традиционных, определенных ранними образцами, черт жанра хождения и зарождающихся новаций. На основе отечественной литературной традиции под влиянием просветительского потенциала, привнесённого в русскую культуру петровской эпохой, в XVIII веке сложилась система жанров путевых записок о Средней Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Kazakbaevich S. N. et al. SYNTAXIS RUSSIAN LANGUAGE. FUNCTIONALIZATION OF SINGLE PROPOSALS IN PERIODICAL PRINTING TEXTS //Galaxy International Interdisciplinary Research Journal. – 2022. – Т. 10. – №. 4. – С. 486-489.

2. Muratovna Y. U., Kazakbaevich S. N. HERMENEUTICS AS A SCIENCE OF CORRECT UNDERSTANDING AND INTERPRETATION OF THE MEANING OF PHILOSOPHICAL TEXTS //Emergent: Journal of Educational Discoveries and Lifelong Learning (EJEDL). – 2021. – Т. 2. – №. 04. – С. 70-73.

3. Tirashevna K. S., Kazakbaevich S. N. GROUP FORM ORGANIZATION OF LEARNING ACTIVITIES AS AN INTERACTIVE RECEPTION WHEN LEARNING VERB //Archive of Conferences. – 2020. – Т. 12. – №. 1. – С. 7-9.

4. Kazakbayevich S. N. Diplomatic Post as a Source of the Genre of Travel Notes About the Bukhara Khanate //International Journal on Integrated Education. – Т. 3. – №. 12. – С. 221-224.

5. Kazakbayevich S. N., Aleksandrovna K. T. ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ КАК ОСОБАЯ ФОРМА ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ //Zbiór artykułów naukowych recenzowanych. – С. 30.

6. Джагаспанян Р. Н. и др. ПЕЙЗАЖ КАК КОМПОНЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В. ШУКШИНА //Новости образования: исследование в XXI веке. – 2023. – Т. 1. – №. 7. – С. 993-997.

7. Nikolayevich D. R., Ermekovich A. T. ARTISTIC AND AESTHETIC FUNCTION OF THE LANDSCAPE IN SHUKSHIN'S PROSE //Gospodarka i Innowacje. – 2022. – Т. 27. – С. 108-113.

8. Аджеминова Э. Р., Джагаспанян Р. Н., Исмаилов Р. С. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ОБРАЗНЫЙ СТРОЙ ЯЗЫКА //PEDAGOGICAL SCIENCES AND TEACHING METHODS. – 2022. – Т. 2. – №. 18. – С. 121-125.

9. Давлятова Г. Н. и др. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ТВОРЧЕСКИЕ ПОИСКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НВ ГОГОЛЯ //PEDAGOGICAL SCIENCES AND TEACHING METHODS. – 2022. – Т. 2. – №. 18. – С. 187-191.

10. Djagaspanyan R. N., Abdukholikov M. A. FEATURES OF GENRE, ARTISTIC METHOD AND CONFLICT IN A. GRIBOEDOV'S COMEDY" WOE FROM WIT" //FORMATION OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY AS INTERDISCIPLINARY SCIENCES. – 2023. – Т. 2. – №. 16. – С. 118-123.
11. Акбаров О. А., Джагаспанян Р. Н., Исмаилов Р. С. ФУНКЦИЯ ОБРАЗА ПРИРОДЫ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ //IJODKOR O'QITUVCHI. – 2022. – Т. 2. – №. 24. – С. 195-200.
12. Акбаров, Ойбек Абдугафурович, Рафик Николаевич Джагаспанян, and Наргис Алишер кизи Акрамова. "ПРИРОДА КАК ОДИН ИЗ ОБРАЗОВ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВМ ШУКШИНА." *INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE" THE TIME OF SCIENTIFIC PROGRESS"*. Vol. 1. No. 3. 2022.
13. Нематжонова Н. Б. Концепт «Человека И Природы» В Литературе //Miasto Przyszłości. – 2022. – Т. 30. – С. 223-225.
14. Bohodirovna N. N., Khafizova D. The Connection Between Nature and Man in the Works of Isajon Sulton and Paulo Coelho //TA'LIM VA RIVOJLANISH TAHLILI ONLAYN ILMIY JURNALI. – 2021. – Т. 1. – №. 5. – С. 191-193.
15. Nematjanova N. Person as a subject of the world in literary criticism //Asian Journal of Multidimensional Research (AJMR). – 2021. – Т. 10. – №. 3. – С. 506-509.
16. Bohodirovna N. N. Symbolic and Mythological Interpretation of the Feminine Principle in the Novel by P. Coelho" The Witch with Portobello //International Journal of Development and Public Policy. – 2021. – Т. 1. – №. 4. – С. 34-36.
17. Nafisa N., Diana K. Analysis of Nabokov's" Lolita" //Vital Annex: International Journal of Novel Research in Advanced Sciences. – 2023. – Т. 2. – №. 2. – С. 9-11.
18. Нематжонова Н. Б., Каримов Ж. ЯВЛЕНИЕ ГЛОБАЛИЗМА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ //GOLDEN BRAIN. – 2023. – Т. 1. – №. 3. – С. 281-284.
19. Doronina I. N. Interactive learning and its methodology //ASIAN JOURNAL OF MULTIDIMENSIONAL RESEARCH. – 2021. – Т. 10. – №. 5. – С. 653-655.
20. Doronina I. DISORDERS OF NEUROMOTOR DEVELOPMENT AS AN INDICATOR OF INSUFFICIENT READINESS FOR SCHOOLING. – 2021.
21. Doronina I. N. Modernist trends in the literature of the twentieth century: features of futurism and its varieties //ACADEMICIA: AN INTERNATIONAL MULTIDISCIPLINARY RESEARCH JOURNAL. – 2021. – Т. 11. – №. 2. – С. 238-243.